

54

Владимир Буев

Монокль. Рецензии на книги
Михаила Гундарина

18+

Владимир Був
Монокль. Рецензии на
книги Михаила Гундарина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67772073

SelfPub; 2022

Аннотация

Рецензии на две книги, написанных Михаилом Гундариним: «Солнце всходит и заходит. Жизнь и приключения Евгения Попова» и «#ПесниЦоя». Вторую рецензию в силу её значительного объёма можно даже назвать «рецензией-эпопеей».

Содержание

Заметки «на полях» книги – не только для фейсбука	4
Откуда взялась печаль?	25
Легенда	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Був

Монокль. Рецензии на книги Михаила Гундарина

Заметки «на полях» книги – не только для фейсбука

Однажды ко мне на дачу в гости на выходные приехал друг. Как я иногда шучу, знаменитый на весь мир писатель, литературный, кино- и театральный критик, блогер, а заодно и поэт Михаил Гундарин. С женой и двумя детьми (девочками-двойняшками). Впрочем, главный во всём этом списке – конечно, друг Миша! С остальными я в тогда только познакомился.

Так у меня на руках (и в библиотеке) появилась его книга «Солнце всходит и заходит. Жизнь и приключения Евгения Попова, сибиряка, пьяницы, скандалиста и знаменитого писателя» с автографом/инскриптом автора в адрес благодарного читателя.

Собственно говоря, благодарный читатель читать книгу стал прямо в присутствии автора. Дошёл до 38-й страницы, густо удобренных описаниями правды жизни: сибирских

пьянок-гулянок (название книги оправдывало её содержание!), хулой на строительство Красноярской ГЭС, мягким и жёстким стёбом над стихами и публикациями СМИ тех застойных (или предзастойных, но точно не постзастойных) лет. Кстати, 38-я – это всё-таки не 14-я страница Манилова (итог двухлетнего напряжения духовных сил персонажа «Мёртвых душ»).

Потом началась групповая прогулка к озеру с обсуждением всех и всяческих мировых и литературных проблем, со срыванием всех и всяческих масок и моё чтение на несколько дней сошло на нет. Остальные девять десятых (с большим хвостом) текста книги я одолевал уже в будни, не на даче и в отсутствие автора.

Когда читал, в своей фейсбук-ленте делал записи: то серьёзные, то не очень, то совсем не серьёзные. Ближе к концу четырёхсотпятитрестраничного текста подумал, что если вдруг после прочтения всё-таки сподоблюсь написать связный отклик/рецензию на Мишино сочинение, то, пожалуй, начну его/её такими словами: «Писать отзыв на книгу друга несравнимо сложнее, нежели добрые или едкие/злые пародии на его же нерукотворные стихи...»

Когда об этом думал (и даже когда делал запись в фейсбук), кроме того, что уже закинул в ленту, писать, честно говоря, не планировал, ибо писать рецензии не умею. Сам Миша пишет их как раз очень много, ловко и лихо, оправдыва-

ясь тем, что, дескать, рука за много лет сочинительства набита (у него тексты пишутся – словно от зубов отскакивают).

...Прошли месяцы. Скоро уже год. Книга живёт в голове благодарного читателя, будто своей собственной жизнью. И как тут не написать заметки (не путевые)?

То ли с элементами собственной рефлексии, то ли (временами) вообще с чистой рефлексией.

Писать начал, но словами другими: однажды ко мне на дачу в гости на выходные...

Не мог отделаться от странного ощущения, что автор книги и его герой Евгений Попов сливаются в один персонаж. Иногда сложно понять, где начинается и заканчивается речь «лирического героя» книги, где начинается и заканчивается речь автора о «герое», а где это микс, оливье, винегрет из того и другого. Иногда кажется, что герой книги – это и есть сам автор. Как два сапога пара.

Когда автор был рядом (на даче), можно было переспросить: мол, там, где речь о формировании антисоветчика – это о тебе или о твоём персонаже? А можно было и не переспрашивать, а просто потребить водки (нам с Мишей) или вина (жёнам) и терамису (детям, если уж на даче не было мороженого). Хотя, чего уж там лукавить, всё понятно без пояснений.

...Впервые с экспериментальным оформлением диалогов или прямой речи авторов я столкнулся в романе ирландской

писательницы Салли Руни «Нормальные люди». Вернее, даже не с оформлением, не с его наличием, а с его полным и безусловным отсутствием. То есть диалоги в романе вообще никак не были оформлены (ни тире, ни кавычек, ни перемычек).

В тексте Миши – ровно тот же самый приём. Прямая речь персонажей и обильное цитирование прежних текстов (журналистских публикаций 60-х годов) и заявлений главного героя книги зачастую пунктуационно никак не оформляются или оформляются не полностью.

Сразу становится понятно, что Михаил Гундарин и Салли Руни – это сила!

Впрочем, иногда прямая речь главного героя у Гундарина оформлена как положено, а не как у Салли Руни. И тогда в Мише силы побольше будет. Двойной удар (по Салли Руни).

Тексты Руни сравнивают с текстами Сэлинджера и даже и с текстами Чехова. Значит, и произведение Михаила вполне тянет и на Чехова, и на Сэлинджера, а то и сразу на Нобелевскую премию по литературе. В каждой шутке есть лишь доля шутки, а остальное всё – истина в (моей) последней инстанции.

«...Приём мерцания автор/герой применён Тараном одним из первых...» (с)

Гундарин упоминает об некоем писателе, но, мне показалось, что в заглавнике своего творческого сознания он скром-

но имеет в виду и себя самого. Ибо! Когда-то точно такой же приём Михаил использовал в своём давнишнем, можно сказать юношеском (и о юношестве) романе «Говорит Галилей...».

Жаль, что Михаил поздно родился, потому приём чик этот применил не первым, а лишь следуя в фарватере Тарана. Но вполне возможно, что, когда Миша писал своего «Галилея...», он и сам не знал о Таране. Я вот вообще не знал о таком и не стыжусь этого, хотя и не горжусь.

В своей фейсбук-ленте я не постеснялся прямо спросить об этом автора.

– Миша, ты знал прежде о Льве Таране, творившем ритмизированной прозой, или узнал в процессе написания нынешней книги о Попове?

И диалог о прекрасном состоялся.

Миша: Да, приём известный. Именно в 70-х применялся постоянно. Например, Лимонов, Довлатов. У меня совсем другое, автора там нет [это Миша поскромничал, конечно – В.Б.].

Я: Я не о приёме спросил. Вроде о Таране... или как это там называется: дескать, сам-то понял, что спросил (я о себе и своём вопросе)? Сразу анекдот про учителя вспоминается. Первый раз рассказал ученикам – сам ничего не понял. Второй раз рассказал – понял сам. Третий раз рассказал – поняли ученики. Давай двумя «разами» обойдёмся. О Таране давно прознал?

Миша: И кто же здесь учитель, стесняюсь спросить?

Я: Не стесняйся.

Миша: Ты про приём тоже говорил – это важнее. А о Таране я действительно узнал у Попова – прочитал, правда, давно, ещё в 90-х.

Я: Ок. Роли меняются. Но, «учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени». Ты ж мой поводырь в мире литературы, особенно нынешней.

... Не верите про этот «литературный» диалог? Загляните в мою фейсбук-ленту. Да и сам Миша подтвердит.

О «мерцании» героя.

«То, что настоящий Евгений Попов сказать не может, чтобы не обидеть кого, его литдвойник говорит запросто. Вот и в “Билли Бонсе” Евгений Попов подчёркивает, что главное действующее лицо (рассказчик) совсем даже не он. Более того, он делает заявления типа [далее – особенности оформления текста в книге – В.Б.]

... я, автор, решительно отмежсёвываюсь от этого озлобленно-утилитарного взгляда на современный литературный процесс. Это мой персонаж распоясался, а я совершенно по-иному думаю, товарищи! Персонаж же мой – завистник и комплексушник!»

Известный приём: я не я, и чемодана не моя. Срывая все и всяческие маски, не забудь надеть маску на собственное лицо. Но всё равно «я» есть «я». Как говорится, бороду-то

можно сбрызнуть, но умище-то куда девать?

Есть в книге один отрицательный персонаж-писатель: «...лукавый старец Даниил Гранин, исключавший меня [Евгения Попова – В.Б.] из Союза писателей». Бумеранг прилетел Гранину много лет спустя, когда автор романов «Искатели» и «Иду на грозу» претендовал на роль начальника Русского ПЕН-клуба.

«... – Лично я не могу вам доверять, – вскочил я [Евгений Попов – В.Б.]. – Вы меня дважды из Союза писателей исключали, один раз в моём присутствии...».

Что называется, отомстил и тогда (начальником Гранина не избрали), и нынче, уже в воспоминаниях. Подозреваю, что по новой (в обратную сторону) после публикации этой книги бумеранг от Гранина уже не прилетит – человек умер, не ответить, не оправдаться.

...Но, в основном, персонажи в книге положительные и даже «больше чем».

Ни Гундарин, ни его главный герой порой не скупятся на эпитеты, похвалу и раздачу «орденов» (раньше это были бы ордена вождя мирового пролетариата Ленина, а нынче, пожалуй, – Святого апостола Андрея Первозванного): талантливый тот, великий сей, гениальный этот, а некто – даже суперзвезда, как Иисус Христос. О некоторых великих и гениальных я, стесняюсь признаться, и слышать никогда не слышал. А о ком слышал, не подозревал, что они гении.

Конечно, мой оценочный пассаж к Анатолию Васильеву не относится – этого творца знаю. Но правда ли, что он гениальный. Может, просто очень талантливый? Или ещё проще: ближайший друг героя книги Евгения Попова?

А может, действительно все упомянутые в книге персонажи великие, талантливые, гениальные и вообще суперзвёзды. О вкусах и цветах не спорят. Да и гусь свинье не товарищ.

А если серьёзно и если отставить в сторону «величие», «знаменитость», «гениальность», «всемирную известность», «суперзвёздность» разных героев книги, то по-человечески (разумеется, из авторского описания) ближе всего мне представляется Александр Кабаков. Повторюсь: именно из описания и ремарок, сделанных по тексту книги, ибо я Кабакова как личность совсем не знаю, а из его творчества знаком только с «Невозвращенцем». В книге же на одной-полтора страницах представлен невероятно привлекательный человеческий образ.

Выражение «*многие рассказы* [вместо «рассказы» могут употребляться иные названия жанров – В.Б.] *переиздаются и по сей день*» могло бы стать эпиграфом ко всей книге. По меньшей мере с десятков вариантов/вариаций этой фразы по ходу текста я поначалу и насчитал, но потом считать прекратил (то ли сбился со счёта, то ли она перестала употребляться).

Ловил блох?

Многие?.. Переиздаются?.. По сей день?

Хм... неужели правда?

Вот автор описывает, как его главный герой Евгений Попов приехал к супостатам и оказался «*в знаменитом русском институте армии США в городке Гармиш-Партенкирхен... в этом сугубом военном заведении [США – В.Б.], расположенном на территории Германии*». Герой книги активно там тусуется и, судя по всему, очень неплохо себя чувствует. Дальше цитирую прямую речь героя (и прошу прощения за длинную цитату): «*Меня туда сосватал прислуживавший там бывший советский офицер-невозвращенец, с которым меня познакомил Кублановский. Фамилию его я не скрываю, а просто-напросто не помню. Он был, если честно сказать, графоман, однако не окончательный, не хуже, но и не лучшие средних советских из ЦДЛа. Меня он уважал за “Метрополь”, я был для него знаменитость. Американских военных он уважал ещё больше и называл их “наши офицеры”. Чем-то он мне неуловимо напоминал, извините, “полицая” из все тех же советских, но в данном случае фильмов “про войну”. Я был поражён, увидев полный зал военных и среди них даже одного адмирала в белом кителе. Мне было странно, но они знали практически все заметные советские писательские имена и задавали вполне осмысленные с точки зрения их профессии вопросы. Например, сталинист ли Распутин и подвергнутся ли после неудавшегося путча репрессиям пи-*

сательские ортодоксы Марков и Михалков. Фантастика! Альпы, Цугшпитц, Георгий Марков, Сергей Михалков, лектор Евгений Попов, адмирал в белом кителе. Мне зачем-то долго объясняли, что он не из США, что это – австралийский адмирал. Да мне-то какая разница! Библиотека русских книг и журналов была у них замечательная, а развесило меня ещё и то, что в коридорах “шпионской школы” висели типовые советские военные плакаты, наставления и изречения. Ещё вспомнил, что беглый офицер-невозвращенец приехал к нам на виллу Вальдберта ровно 21 августа с большой бутылкой виски из армейского магазина, “где цены ниже чем даже в дьюти-фри”...»

Далее герой книги, не моргнув глазом, распивает на вилле спиртные напитки с этим «полицаем», дискутирует о литературе, ходит в горы («время от времени»), чтобы окунуться в озеро. И в целом очень хорошо проводит время и с американскими военными, и с «полицаем».

Поразительно!

Рассказывая о лекции для американских военных в Русском институте армии США и характеризуя при этом некоего офицера-невозвращенца неким словцом, герой книги будто и на самом деле не понимает, что со стороны он выглядит если не ровно таким же, то как-то уж... столь же ассоциативно.

Плохо знать разные умные, но банальные термины: например, словцо «аллюзия».

Опять извиняюсь за длинную цитату, характеризующую период, когда генерал Александр Лебедь стал губернатором моей малой родины – Красноярского края (конец 1990-х – начало 2000-х годов):

«Так как Лебедь раньше был в Приднестровье, когда он начал командовать Красноярском, он много своей свиты из Приднестровья привёз в Красноярск. Они правили так: неделю они были в Красноярске, а в пятницу садились на самолёт и улетали в Москву, где у них были квартиры, дачи и всё такое. Мне рассказывали, что они жили как королевский двор в изгнании, потому что все верили, что Лебедь скоро станет президентом. И у них была женщина, которая носила официальный титул “Казачья мать”. В Красноярске был Серый дом (бывший Крайком КПСС), при Зубове туда можно было спокойно войти, а тут, когда пришёл Лебедь, поставили охрану, милицию (полицию в обновлённой России ещё не изобрели) и всё такое.

Если человек собирался открыть киоск по продаже жратвы, тогда он шёл с полным пакетом подписанных документов официальных к чиновнику, а чиновник его спрашивал: “Ты у Казачьей Матери был?”. Если этот предприниматель не был, то его посылали к Казачьей Матери, она была какая-то юродивая и начинала спрашивать о том, кем он сам был, кем были его родители, что он хочет делать, чем хочет заниматься. Задавала странные вопросы, когда

предприниматель возвращался к чиновнику и отвечал, что казачья мать сказала ему “любо”, тогда ему одобряли этот ларёк, хотя, изначально все документы были официальные и подготовленные...»

...Никогда я прежде, общаясь с друзьями-знакомыми, в том числе и работавшими при Лебеде и с ним, не слышал про «Казачью мать». Интересно было узнать, это байка, выдаваемая Евгением Поповым за быль или, и правда, быль? Быль или «былина»?

Написал об этом пост в фейсбук: мол, дорогие красноярцы, кто-то что-то об этом знает? Дескать, откликнитесь, удовлетворите здоровое любопытство нынешнего москвича. И тегнул своего приятеля Алексея Мещерякова, в то время председателя правления Красноярского регионального отделения Союза писателей России (хотя, возможно, к тому времени он уже и покинул этот пост): «Вот Лёша наверняка знает – он всегда про красноярскую политику всё знает. А? Что скажешь, друг?»

Но друг Лёша не заметил моего вопроса или сделал вид, что не заметил.

Так я до сих пор и в сомнениях.

Вернее, меня терзают смутные сомнения (тут вспоминаем кадр из известного советского фильма).

Вот странности нашего бытия! Пересечение виртуальной и реальной жизни: книги и действительности.

Михаил несколько раз упоминает и цитирует создателя и главного редактора почившего ныне в бозе журнала «Золотой век», «видного поэта» Владимира Салимона.

Читал я книгу, и в какой-то момент мне вспоминался отнюдь не недавний эпизод на банкете, приключившемся после стихотворного вечера «На двоих» в библиотеке имени Чехова на Страстном бульваре.

Михаил с бокалом вина долго общался с каким-то очень пожилым дядечкой, после чего к ним подошёл я и тоже стал общаться (а Михаил, что называется, пошёл по кругу, то бишь по другим гостям). В какой-то момент по какому-то (не помню по какому) поводу я сослался на Мишу, словно на давнего знакомого самого Салимона:

– Да я и Мишу-то не знаю... – была мгновенная реакция очень пожилого, но видного поэта (дескать, что толку на него ссылаться, он для меня не авторитет).

Моя челюсть отвиснуть не успела, ибо до меня мгновенно дошло, что на банкете они и познакомились (просто их оживлённую беседу я принял за старинное знакомство), но прежде Миша был любителем его стихов и тех образов, которые Салимон в своих стихах создал.

Салимон – это, так сказать, одна из частностей книги. Вообще литературная (в именах, фамилиях, а иногда и в отчествах) и зачастую политико-идеологическая палитра, в которой творил Попов в тот или иной период времени и своей жизни, представляется автором в достаточно «объёмистом

объеме».

Да и как без этого! Не в вакууме же рождалось слово...

В попойках и запоях.

Впрочем, и по трезвости тоже.

«Лирическое отступление» для разрядки международной напряжённости.

Цитата из книги (прямая речь Евгения Попова):

«...Я взял свою собственную повесть “Зеленые музыканты”, написанную в 1974 году, с помощью которой я надеялся въехать в советскую литературу. Почему и сочинял эту повесть “прижав уши”, недоговаривая, а кое-где и, пардон, “подмахивая” эпохе. Тем не менее волчьи зубы не спрячешь, меня раскусили, и повесть валялась аж до 1996 года, когда мне пришла в голову очередная безумная идея: снабдить ПЯТИДЕСЯТИСТРАНИЧНЫЙ текст ТРЕМЯ СОТ-НЯМИ страниц комментариев и объяснить, что это – юношеское сочинение будущего КОНФОРМИСТА из народа, ныне одного из самых могущественных людей страны, вовремя излечившегося от неуместного писательского недуга. Комментировалась буквально каждая строчка, и всего комментариев было ровно 888. Не знаю, кстати, что означает это число в символах и мифах».

А вот рецензент знает! По данным лженауки нумерологии, «с психологической точки зрения восьмерка рассматривается, как мудрость и терпение, а комбинация из трёх вось-

мёрзок утраивает силу данных качеств...»

Я знал точно, что у меня в фейсбук-френдах есть те, что считает нумерологию наукой, а себя видными нумерологами. Решил проверить, возмутятся ли, если я запощу эту цитату в своей доступной всем ленте.

Запостил. Никто не возмутился, а кое-кто даже полайкал. Знать, и правда, лженаука.

Однажды сказав А, не забудем сказать и Б. касательно политико-идеологической палитры. Автор книги является действительным членом Русского ПЕН-клуба. Однако если не громит, то издевается (изредка и просто подтрунивает) и над прошлым Русского ПЕН-клуба, и над публичными документами этой международной/зарубежной организации.

И чего тогда сам туда вступал? Резонный ведь вопрос к его персональному делу?

Или тут такой подход: дескать, закордонный Международный ПЕН-клуб плохой, а родной и посконный, с дымом отечества (к тому же не вчерашний, а именно сегодняшний) – хороший, а потому, дескать, сладок и приятен? Или ещё проще, совсем просто, проще некуда: взять раскрученный мировой бренд и попользоваться им, приспособив к своим нуждам и взглядам? Чёрное – это белое, война – это мир, а свобода – это рабство?

Заодно и для резюме, и прочего самопиара хорошо: мол, так и так, я, дескать, член ПЕН-клуба. В былые времена

членство тут точно было очень модным/престижным. А сейчас-то чего со временами? Прошли иные или опять наступили?

Не забываем, что, согласно автору книги, раньше и русский ПЕН-клуб был не просто и не только плохим, но и незаконным, а то и самозванным по вине некоего злого колдуна/негодяя Пархоменко. Но потом на сцену вышел он, герой книги, Евгений Попов в белом фраке. Или просто весь в белом. Одежании, разумеется. В общем, как только к руководству русского ПЕН-клуба пришло новое хорошее начальство, так и сам отечественный ПЕН-клуб сразу преобразился (из тыквы превратился в золотую карету), стал белым и пушистым. И зацвёл, как маков цвет. Хм... с одной стороны, белым и пушистым, с другой – маков цвет. Можно выбрать.

И заблагоухал.

А ведь только что был чёрным, грязным и вонючим!

(Напомним: Миша – член ПЕН-клуба, а Евгений Попов – его, клуба и Миши, начальник).

...Собственно говоря, с тех пор международные и зарубежные супостаты с отечественным ПЕН-клубом и борются. Для чего? Дословно: «...чтобы нейтрализовать наглядное влияние Русского ПЕН-центра на российскую и мировую общественность...» (с)

Я бы не побоялся и высказался ещё смелей! На всю прогрессивную мировую общественность! Межпланерный/межгалактический шахматный турнир!

Кстати, определение «прогрессивный» употребляется в книге не столь уж редко. Как от имени автора, так и в прямой или косвенной речи его главного героя. Как в прямом пафосном смысле, так и в разного рода иронических контекстах (в авторской речи – местами завуалированно, чтобы не обижать того, о ком книга).

«Незаконные собрания», «фальшивые письма», «не гнушались», «прямая клевета», «лондонские покровители», «прямой подлог», «выдавая желаемое за действительное» – такова лексика книги ближе к её концу.

Всё это – уже прямые оценки автора книги. Тут соития автора с его героем как будто не наблюдается. Автор шпарит сугубо от себя. Так сказать, к концу книги расслабился, разошёлся, раздухарился. Раззудись, плечо, размахнись, рука!

По сути тут весь известный советскому человеку терминологический набор/лексикон. Истинно поэтический и, разумеется, совсем не пропагандистский.

Набор/лексикон... Неважно, с каким знаком.

То ли о писательстве, то ли об идеологической борьбе, то ли о том и другом.

О том и другом – так вернее.

И всё это – в рамках описания борьбы за власть в Русском ПЕН-центре.

Настоящие русские писатели, чего уж!

Впрочем, времени с момента распада СССР прошло

немало, сегодня весь этот словесный набор может выглядеть очень даже свежим (только-только с грядки).

Земля круглая.

В одном месте автор и его герой явно заплутали в трёх соснах.

Или я заблудился в двух елях.

Вот, к примеру, автор и его герой сожалеют, что закрыли газету «Столичная вечерняя», финансируемую большими деньжищами Чубайса (РАО ЕЭС). Ведь герой книги получал в газете *«немыслимую по тем временам зарплату – две тысячи долларов США»*.

А закрыли газету тогда:

1. когда она стала *«знаменитой, самоокупаемой и её раскупали со страшной силой»* (столь популярной в народе газета стала, видимо, потому, что там публиковались тексты нашего героя);

2. когда *«издавать газету стало не на что»*.

Чудны тела твои, о Господи! С одной стороны, стала самоокупаемой (самоокупаемая – это если уже могла обойтись без деньжищ Чубайса и жить самостоятельно на рознице и/или рекламе), а с другой – издавать её стало не на что.

...Что ж, наверное, и так тоже бывает.

Иди у рассказчиков когнитивный диссонанс?

Об истинной «интеллигентности».

Вот так главный герой книги видит интеллигентного и при этом очень большого милицейского чина, пренебрежительно отзывающегося о... обозначим мягко... о простом человеке:

*«...Я обнаружил ещё одно удивительное совпадение – чем выше чином был сотрудник милиции, тем он был интеллигентнее. Когда я спросил одного полковника в Перми, как участковому сержанту пришло в голову издеваться над подростком с симптомом дауна, он ответил: “Да что же вы от него хотите? Это же **быдло** полудеревенское. А держим только потому, что работать -то больше некому” ...»*

Вместо послесловия

Диалог в мессенджере 10 мая 2021 года.

Я – Мише: Прочитал! Годится! Любо!

Миша: Осилил? Ну, и хорошо.

Я: А что такое? Почему «осилил»? Я первый, кто «осилил»? Я именно читал, а не осиливал и не пробегался глазами.

Миша: Я и говорю, хорошо.

Я: Разъясни мне. «Роза есть роза есть роза. Россия есть Россия есть Россия». Тут спрятан какой-то глубокий потаенный смысл или это тоже особенности корректуры¹?

Миша: Смысл. Первое из Шекспира. Второе из Попова. Такой круг доказательств, логический Уроборосс. Как у Воз-

¹ В книге очень много технических «очепяток».

несенского матьтьмамастьма. Ну, и намёк на эпиграф к «Дару» Набокова.

Я: Ок. Не знал, честно говоря. Но заподозрил неладное!

Миша: Россия объясняется только Россией.

Я: Ну, да. А Китай только не Китаем.

Миша: Китай – общими азиатскими правилами, как в анекдоте: прищурились. А в Россию можно только верить.

Вот, собственно, и всё. Хотя нет.

И я «померцал», а потому особо подчеркиваю, что *«главное действующее лицо (рассказчик) совсем даже не я. И как автор решительно отмежёвываюсь от этого озлобленно-утилитарного взгляда на книгу. Это мой персонаж распоясался, а я совершенно по-иному думаю, товарищи! Персонаж же мой – завистник и комплексуник»*.

...Как-то на обсуждении одной, неважно какой, но не этой книги в библиотеке Чехова писатель Владимир Гуга рассказал о двух стандартах (или клише), по которым некий рецензент пишет отзывы на разные творения (за точность цитирования не ручаюсь, но за смысл зуб даю, а заодно и голову на отсечение):

Стандарт первый. И тут хорошо, и тут хорошо, и в этом месте замечательно, и в этом тоже, но всё-таки книгу читать не советую.

Стандарт второй. И тут плохо, и тут плохо, и в этом месте скверно, а вот тут ещё хуже. Но книгу надо прочесть обя-

зательно.

Когда я закончил читать про солнце, которое то всходит, то заходит, у меня появился третий стандарт. И тут хорошо, и там плохо, и в этом месте прекрасно, а там совсем скверно. Но книга – пальчики оближешь, читается на одном дыхании, несмотря на свои 458 страниц. Каков стиль! *А как речь-то говорит – словно реченька журчит!*

Я проглотил ловко и быстро.

Читать, батеньки вы мои! Непременно читать! И второе, и третье издания делать (дополнительный тираж)!

«Дабы народ видел» (с)

Невероятно умная и весёлая книга с фантасмагоричным окончанием: поток сознания сильно пожилого человека в трезвом уме и твердой памяти (попойки и запои давно ушли в прошлое).

Откуда взялась печаль?

В издательстве Пальмира, серия Пальмира.Проза, вышла книга рассказов/«треков» Михаила Гундарина «#ПесниЦоя». В сокращённом виде творение известного писателя появилось ранее в журнале «Сибирские огни» (№ 10, 2021).

«Треков»-рассказов двенадцать (в журнальном варианте было девять). Основаны они на песнях Виктора Цоя из разных альбомов и в той или иной мере с этими песнями сопряжены, хотя связь уловить порой и вовсе невозможно (она – как незримая/красная, но путеводная нить мифологической Ариадны). Тут мы просто поверим автору на слово: *люминий* – значит, *люминий*! Не путать с «Алюминиевыми огурцами», духа которых в книге даже близко не чувствуется!

Какие же песни в книге «треков»?

«Легенда» – из альбома «Группа крови».

«Генерал», «Прогулка романтика», «Троллейбус» и (понятное дело) «Камчатка» – из альбома «Начальник Камчатки».

«Бездельник» и «Солнечные дни» – из альбома «45».

«Кукушка» – из «Чёрного альбома» (песня переписана, аранжирована и включена в альбом после гибели Цоя).

«Ночь» – из альбома с таким же названием.

«Печаль», «Пачка сигарет» – из альбома «Звезда по имени солнце».

Только «Малыш» остался без альбома. Как бы «подвис». И тоже понятно, почему. А кому не понятно, тот, прочитав соответствующую главку этой рецензии на книгу Гундарина, сразу поймёт, в чём суть да дело.

Уже начинают бурлить аллюзии и ассоциации? Если нет (как, впрочем, и если да), то это «поколенческое». Автор, словно свысока или с высоты своего полёта/пьедестала, употребляет слово «поколение» и производные от него почти десяток раз – чтобы читатель запомнил раз и навсегда.

Попробуй разбери принцип, по которому принципу писатель выбирал «треки». Думается, тут так: что на душу в молодости упало, да так там навсегда и осталось, то и всплыло по прошествии времени. В общем, что с возу не упало, а потому запало и не пропало.

Каждый рассказ-«трек» состоит из трёх, в крайнем случае из четырех коротких частей. В этом вряд ли есть какой-то глубокий/потаённый смысл. Однако короткие тексты «треков», раздробленные на ещё более короткие части (если, конечно, не вдумываться в смыслы) читаются быстро, легко и непринуждённо. Сколько времени? Примерно часа полтора на всё-про всё (а журнальный вариант читается ещё быстрее), если не отвлекаться на завтрак, обед и ужин. Касательно чтения, я не шучу: легко и непринуждённо. Совсем не так, как брюки из кинофильма «Бриллиантовая рука», которые лёгким движением руки превращаются в элегантные шорты.

Михаил Гундарин явно хочет вспомнить молодость, по-

жить в ней. И не просто хочет, а вспоминает, пусть зачас-
тую сознание смещается в сторону от реальности к грёзам,
фантазиям и фантастике, символике, мистике и даже бре-
ду воспалённого сознания. Порой, не стыдясь этого, автор
откровенно и при всём честном народе ностальгирует. И у
него получается! Не просто получается, а получается краси-
во. Впрочем, в текстах чувствуется не только ностальгия и
молодость, но и рука мастера, *и опыт, сын ошибок трудных,*
и гений, парадоксов друг. Взгляд на свою юность и на юность
своего поколения из-под/из-за облаков, ну, или пусть с воз-
растного/не совсем уж старческого пьедестала. Не верите? А
придётся...

Легенда

У кого-то *«море – смеялось»*, а у Гундарина – *«Смеялось небо, а потом прикусило язык»*. Именно так начинается (и снова понятно почему, даже если в самом начале забыт союз «как» – немудрено по прошествии такого количества времени) первый «трек» «Легенда» его книги. Густой замес реальности, образов и фантазмагии.

Внешне сюжет вроде прост: сумасшедший/якобы сумасшедший старик-отец отвергает всё, что предлагает-дарит ему взрослый состоявшийся сын (это не сам Гундарин, а его лирический герой в виде личного местоимения «я») и постоянно достаёт/тиранит отпрыска своими бессмысленными капризами. Пишу «лирический герой» и думаю: если его, конечно, можно так назвать. Примем как аксиому: можно (!), хотя между лирическим героем и автором так и тянет поставить знак равенства!

Если всё понятно, то вроде бы к чему ещё писать какие-то рецензии/отзывы/отклики? Дал ссылку или гиперссылку на первоисточник – и прикусил язык/успокоился и сиди себе дальше молча. Как говорится, *с плеч домой*, коль *подписано* (некто в позапрошлом веке знал толк в этом деле).

Ан нет! Рефлексировать хочется! Ведь тут оба в одном флаконе: и Цой, и Гундарин. Не абы кто. Пока *двое в одной лодке, не считая...*

Кстати, та же самая «Легенда» (не Цоя, а Гундарина) – чем не «Отцы и дети» Тургенева? Вот уже и не двое. Теперь *считая*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.